

CONTINUING CONTROVERSY AROUND THE PHENOMENON OF TATAR JADIDISM

Leila Almazova

leilaalmazova@gmail.com

For over 50 years, there has been a debate among scholars on the issue of “Jadidism”. Some have tended to view this phenomenon as a broad social movement to reform a wide variety of aspects of the Muslim society, from religion, education, and art to nation-building and politics. Some equated Jadidism with religious reform, while others suggested separating Jadidism – understood as a reform of the education system – from activities in other social spheres. At the roundtable “The Phenomenon of Jadidism: Domestic and Foreign Interpretations in the 21st Century” held at the Kazan Federal University, the following range of issues were discussed: defining of the concept of “Jadidism”; the main representatives of this movement; and the relationship between Jadidism and religious reform.

Keywords: Islam, Jadidism, Tatar, religious reform, education.

Associate Professor of the Department
of Oriental, African and Islamic Studies,
Institute of International Relations,
Kazan Federal University
Leila Almazova

НЕЗАТИХАЮЩИЕ СПОРЫ ВОКРУГ ФЕНОМЕНА ТАТАРСКОГО ДЖАДИДИЗМА

Лейла Алмазова
leilaalmazova@gmail.com

DOI: <http://dx.doi.org/10.24848/ismlg.10.2.11>

Уже больше 50 лет среди ученых идут споры по проблеме джадидизма. Одни исследователи склонны трактовать это явление как широкое общественное движение за реформирование самых разных сторон мусульманского социума, включая религию, образование, искусство и политику. Другие ставят равенство между джадидизмом и религиозной реформой, третьи предлагают отделять джадидизм — как реформу системы образования — от деятельности лидеров нации в других сферах жизни общества. Ответ на эти и другие вопросы, включая определение понятия «джадидизм», выявление основных представителей этого движения, соотнесение феномена джадидизма с религиозным реформаторством, пытались найти на круглом столе «Феномен джадидизма: интерпретации отечественных и зарубежных исследователей в XXI веке», проведенном в Казанском федеральном университете в декабре 2020 года.

Лейла Алмазова

Доцент кафедры
востоковедения,
африканистики
и исламоведения,
Институт междуна-
родных отношений,
Казанский федераль-
ный университет

Ключевые слова: ислам, джадидизм, татары, религиозное реформаторство, образование.

22 декабря 2020 года Институт международных отношений Казанского федерального университета провел круглый стол «Феномен джадидизма: интерпретации отечественных и зарубежных исследователей в XXI веке». Круглый стол проводился в рамках X Форума «Ислам в мультикультурном мире»¹. В обсуждении приняли участие более 40 ученых, аспирантов и студентов, представляющих самые разные академические учреждения Российской Федерации и зарубежья.

Организатор круглого стола Лейла Алмазова (Казанский федеральный университет, Россия), открывая мероприятие, посвятила его памяти своего учителя Яхьи Габдулловича Абдуллина (1920–2007), столетний юбилей которого отмечали в 2020 году. Яхья Абдуллин был первым, кто в послевоенный период развития исторической науки в Татарстане обратился к теме татарской религиозно-философской и просветительской мысли, долгие годы не изучавшейся ввиду ее «буржуазного» характера. Весь этот пласт

1 Форум проводился при содействии Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования.

дореволюционной литературы в советские годы хранился исключительно в архивах, рукописных и старопечатных фондах библиотек на старотатарском (на арабской графике) и арабском языках. Сам профессор рассказывал, что после первой публикации своей книги «Татарская просветительская мысль» в 1976 году каждую ночь ложился спать с мыслью о том, что в любой момент за ним могут прийти и арестовать за апологетику буржуазной идеологии.

Первый докладчик, Эдвард Лаззерины (Университет Индианы, США) свое выступление начал с критики недавно вышедших работ Паоло Сартори (Sartori, 2016) и Даниэлы Росс (Ross, 2020). Главной проблемой этих работ он называет смешение понятий «религиозное реформаторство» и «джадидизм». Профессор отметил: «Они загоняют себя в ловушку, считая джадидизм попыткой реформирования ислама, они называют джадидизм исламской реформой или модернистским исламом». При этом ошибкой Сартори профессор Лаззерины считает рассмотрение феномена джадидизма исключительно в контексте процессов, протекающих в Средней Азии, и игнорирование опыта поволжского джадидизма, с чем связаны, по его мнению, неточности в описании джадидизма: это абсолютизация внутренних проблем Средней Азии в формировании достаточно общего для разных регионов Российской империи феномена. И действительно, Сартори пишет в своем эссе: «Я утверждаю, что джадидизм представляет собой последний этап в эволюции бухарских религиозных элит, которые были обеспокоены социально-политическими реформами правителей династии Мангытов (1753–1920), которые ограничивали полномочия традиционных «улама» (Sartori, 2016, p. 195). Таким образом, джадидизм, согласно этой концепции, представляет собой локальное явление, а не универсальное, о котором говорит Э. Лаззерины. Согласно выступлению последнего, джадидизм является способом адаптации мусульман Российской империи к Новому времени и ко всему тому, что принес с собой этот исторический этап развития человечества. И означает он, прежде всего, эпистемологический сдвиг: переход от традиционного обращения к источникам ислама (Корану и Сунне) при поиске ответов на вызовы времени к авторитету разума и науки, которые способны яснее, четче и быстрее указать путь к прогрессу и земному благополучию, что вовсе не ценили предшественники джадидов, ориентировавшиеся в своих трудах на религиозные практики и ценности, способствующие достижению исключительно загробного блаженства.

При этом все те, кого принято было называть джадидами в историографии: Ризаэтдин Фахретдин (1859–1936), Зыяэтдин Камали (1873–1942), Муса Бигиев (1875–1949), по мнению Э. Лаззерины, джадидами не являются. Их, скорее, следует называть религиозными реформаторами. А джадиды — это Каюм Насыри (1825–1902), Исмаил Гаспринский (1851–1914), Ахмед Агаев (1868–1939), Юсуф Акчура (1876–1935), Заки Валиди (1890–1970).

Ректор Российского исламского института Рафик Мухаметшин предложил иную трактовку джадидизма. Он полагает, что джадидизм — это попытка реформирования мусульманского социума, а не ислама, без внесения изменений в религию. Целью реформирования общества было достижение такого его уровня, на котором оно соответствовало бы современным для него российским реалиям. В этом смысле классическим джадидом, с точки зрения Р. Мухаметшина, был Галимджан Баруди (1857–1921). В своем медресе «Мухаммадия» он готовил молодых мусульман, которые принимали активное участие в реформировании общества: выпускники пополняли ряды писателей, жур-

налистов, творческой интеллигенции, служащих и клерков. При этом журнал «ад-Дин ва-л-адаб» («Религия и нравственность»), который издавал Г. Баруди, был совершенно традиционен по своему религиозному содержанию. В этой концепции содержится определенное противоречие: ввиду того, что ислам как идеологическая система включает в себя все аспекты жизни человека, модернизация общественной жизни не могла не включать изменения и религиозных представлений. Поэтому проведение такой частичной социальной реформы общества, без затрагивания религиозных основ, не представляется возможным.

Кроме того, Рафик Мухаметшин обратил внимание на то, что термин «джадидизм» существенно политизируется в современном дискурсе. Например, когда он был ректором Болгарской исламской академии, многие общественные деятели требовали от него создания в г. Болгаре «джадидского учебного заведения». Однако, если посмотреть на джадидские медресе, утверждает Р. Мухаметшин, «то они не ставили целью воспитание религиозных деятелей, из 900 выпускников медресе «Хусаиния» всего 30 стали имамами. Остальные выбрали стезю, не связанную с религиозным служением, зато они были прекрасно подготовлены к жизни в современном для них обществе. Соответственно, сейчас перед религиозными учебными заведениями, прежде всего перед БИА, стоит совсем другая цель — не подготовка светского специалиста, а воспитание именно имама, грамотного богослова, чему более соответствует кадимистское медресе с его укорененностью в исламской средневековой традиции».

Роберт Джераси (Университет Иллинойса в Урбане-Шампейн, США), автор книги «Окно на Восток» (Geraci, 2001; Джераси, 2013), напрямую не занимался проблемами джадидизма, хотя в его работе затрагиваются проблемы реформирования системы образования среди татар в XIX — начале XX века, где обойтись без этой темы было невозможно. Между тем, в своем выступлении он остановился на своих недавних исследованиях, связанных с изучением влияния торговли и развивающейся промышленности на общественные процессы среди нерусских народов Российской империи. Он отметил, что именно торговцы и промышленники с их налаженными связями в разных странах — от Бухары, Каира и Стамбула до европейских столиц — имели более четкие представления о системах образования, принятых в разных странах, и именно их дети зачастую становились проводниками прогресса, как, например, уже упоминавшийся Галимджан Баруди, отец которого занимался торговлей и послал сына учиться в Бухару. Не стоит также забывать и о ярмарках, которые были не только центрами торговли, но и местом встречи ученых, обмена и продажи книг; на ярмарках собирали деньги на открытие новых медресе, на издание газет и журналов. Так, Исмаил Гаспринский на нижегородской ярмарке собирал подписчиков для своей газеты «Терджиман».

Р. Джераси упомянул и сочинения Риззэтдина Фахретдина, в которых тот настоятельно рекомендует развивать предпринимательство среди своих современников-мусульман и сравнивает общество с хорошо работающей фабрикой (термин, связанный с промышленностью).

Таким образом, Р. Джераси обращает наше внимание на роль богатства, капитала, торговли и промышленности в становлении как джадидизма, так и в целом идеи мусульманской нации, выразителями и идеологами которой выступили, по его мнению, джадиды. При этом он отмечает, что в деле становления нации мусульманские деятели в России были даже более успешными, чем их русские современники.

В своем выступлении на круглом столе Айдар Хабутдинов² (Казанский федеральный университет, Россия) обратил внимание слушателей на то, что татарские джади́ды осознавали, что единственным способом сохранения мусульманской общности, отличной от русского населения империи, являлось сохранение языка и религии, но на новой основе, соответствовавшей новой буржуазной реальности. Поэтому они были озабочены возвращением национальной элиты в исламских учебных заведениях, подобных медресе «Хусаиния» (Оренбург) или «Галия» (Уфа), по уровню соответствовавшим русским гимназиям. В планах просветителей было открытие и национального университета. Айдар Юрьевич посетовал, что чаяния джади́дов не реализованы до сих пор: так и не открыт национальный университет, недавно ликвидирован Музей истории государственности татарского народа и Республики Татарстан, многие годы успешно функционировавший в Казани.

Михаэль Кемпер (Университет Амстердама, Нидерланды), заметивший в начале своего выступления, что он никогда не занимался собственно джади́дизмом (и действительно, его крупное исследование (Kemper, 1998; Кемпер, 2008) охватывает период с 1789 по 1889 гг.), сказал, что у него сложилось впечатление, что докладчики говорят о совершенно разных феноменах: по своим идеям, Исмаил Гаспринский, к примеру, совершенно противоположен Ризаэдину Фахретдину, и объединять столь разных деятелей под одним лейблом «джади́дизм» означает вносить еще б'льшую путаницу. Если брать весь период — с 1880 по 1930 годы, то это время, в которое происходили разнонаправленные процессы, параллельно существовала и рукописная традиция, и печатная книга; составлялись труды в средневековых жанрах, и появлялась современная пресса. Поэтому есть два подхода в определении содержания понятия джади́дизм: либо обозначать этим термином лишь реформу в сфере образования, концентрируясь на концепте «усул джади́д» («новый метод»), либо обозначать словом «джади́дизм» целую эру обновления на рубеже веков, куда вполне вписывается и деятельность кадимистских лидеров, в частности активно осваивавших печатное дело и публиковавшихся в журнале «Дин ва ма'ишат» («Религия и жизнь»).

Последний из участников дискуссии — Альфрид Бустанов (Университет Амстердама, Нидерланды и Институт истории им. Ш.Марджани, Россия) обратил внимание слушателей на то, что джади́дизм сейчас — это крайне размытое понятие, его используют при обсуждении самых разных феноменов. Например, когда говорят об исламе в Российской империи конца XIX — начала XX века; про джади́дизм также вспоминают, когда пишут о колониализме, нациостроительстве и модерне. При этом 99% источников этого периода остаются неизученными, они лежат неразобранные и некаталогизированные в государственных и частных архивах. Например, почти не изучается один из самых распространенных в тот период жанров — жанр комментариев, не находят пока своего исследователя многочисленные переложения на старотатарский язык образцов персидской литературы. Весь этот пласт неизученных источников никак не вписывает-

2 Айдар Хабутдинов, кроме прочего, является автором монографии «Лидеры нации» (2003), в которой он рассматривает деятельность таких ученых как Г. Курсави (1776–1812), Ш. Марджани (1818–1889), Г. Баруди, Р. Фахретдин и др. Он писал: «В целом, все движение обновления в 1890–1910-е гг. получило название “джади́дизм”. Под джади́дизмом надо понимать всю совокупность действий, направленных на создание нации европейского типа сначала среди российских мусульман вообще, а затем среди татар Идел-Урала в частности. С этой точки зрения татарский национальный социализм и коммунизм, направленные на создание независимой нации и автономного государства, являются вариантом джади́дского развития. Одновременно джади́дизм был движением мусульманской нации, и обновление ислама в соответствии с прогрессом цивилизации являлось одной из его целей» (Хабутдинов, 2003, с. 7).

ся в дихотомию кадимизм/джадидизм. Ученый полагает, что эти термины-лейблы ничего не дают для анализа эпохи, они лишь используются политиками, чтобы легитимизировать или, наоборот, осудить те или иные прежние или современные тренды. «Что же нам остается, если мы перестанем использовать термин “джадидизм”? Мы должны копать глубже, я смотрю на детали, на тот массивный материал — манускрипты, тысячи и тысячи манускриптов на арабском, персидском и турецком языках. И мы ничего о них не знаем. Это огромный пласт письменной культуры. Только изучив его, мы сможем концептуализировать процессы, происходившие в ту эпоху», — отметил Бустанов.

Среди участников дискуссии был и известный ученый Амир Наврузов, отдавший много лет изучению прогрессивной дагестанской газеты «Джаридат Дагестан», выходившей в 1913–1918 гг. на арабском языке (Наврузов, 2012).

Особенностью развития дагестанских народов на рубеже XIX–XX веков была сравнительно недавняя история завоевания Кавказа Российской империей. В этих условиях отчетливо проявилось деление общества на две группы: одну представляло консервативное духовенство, сопротивлявшееся интеграции народов Кавказа в Российскую империю, вторую группу представляли просветители. Амир Наврузов полагает, что движение просветителей-джадидов стало ответной реакцией на вхождение Кавказа в состав Российской Империи. Просветители-джадиды решили, что более правильным для народов Дагестана в создавшихся условиях будет, находясь в составе империи, не терять своих корней, оставаться мусульманами и при этом реформировать систему образования: сократить время обучения в медресе, получить базовые навыки, обучиться иностранным языкам и таким образом стать более успешными и востребованными в современном им мире. При этом политикой царской России был принцип «разделяй и властвуй», властям необходимо было опираться на одних, чтобы воевать с другими. Поэтому они и поддерживали просветителей. В советское время их судьба была печальна — почти всех сослали в сталинские лагеря.

Среди вопросов, заданных слушателями, наибольший отклик вызвал вопрос о том, зачем вообще изучать джадидизм, если термин настолько неоднозначный и, по мнению некоторых ученых, не отражает реальных процессов?

Первым попытался на него ответить Айдар Хабутдинов. Он начал издали и предложил вспомнить картинку из дореволюционного журнала «Аң» (Сознание). На ней было изображено кладбище с надгробиями, на надгробиях надписи: Казань — 1552, Астрахань — 1556, Фес (Марокко) — 1911. Ответ на этот вызов потери государственности предложил Исмаил Гаспринский, который считал, что если мусульмане хотят остаться на карте истории, то они должны иметь для этого материальную основу — развитие финансы, прессу, образование, инфраструктуру, иначе они будут стерты с лица земли более предприимчивыми нациями. Поэтому для нас изучение опыта джадидов — это вопрос выживания как самобытной общности, заключил Айдар Хабутдинов.

В свою очередь Эдвард Лаззериани сказал, что для него опыт джадидизма — это интереснейший кейс, представляющий то, как татары отвечают на вызов модернизации. Этот этап проходили в XIV–XV веке европейцы, когда они от средневековой схоластики перешли к методологии современной науки, этот этап проходили по-своему все народы. В случае джадидизма — это то, как мусульманский народ, оказавшийся под властью империи, в имеющихся условиях решает все ту же задачу продвижения по пути модернизации и прогресса. Он полагает, что у татар было три ответа на вызов модерни-

зации: 1) отрицание и отторжение, как у таких представителей традиционализма, как Ишмухамет Динмухаметов (1842–1919) и другие авторы, печатавшиеся на страницах журнала «Дин ва ма'ишат»; 2) адаптация исламских норм к условиям современности, как у Г. Курсави, Ш. Марджани, Р. Фахретдина, Г. Баруди, М. Бигиева; 3) принятие эпистемологических основ современности и одновременное неприятие религиозных норм, ограничивающих развитие человеческого общества, как у К. Насыри, И. Гаспринского и Ю. Акчуры.

Роберт Джераси, со своей стороны, сказал, что для него опыт джадидов — это интересный случай функционирования народа, находящегося под колониальным господством в эпоху перемен. Он заметил, что российские власти зачастую оправдывали собственную политику в отношении иноверческих подданных их отсталостью и необразованностью, однако как только это население становится более развитым и растет в экономическом и культурном отношении, тут же это явление начинает настораживать власти, и они, невзирая на прежние lamentации об отсталости мусульман, начинают активно бороться с джадидами. В этом смысле политика царских властей применительно к прогрессивным мусульманским деятелям в Поволжье (например, закрытие известного джадидского медресе «Иж-Буби» или ссылка Галимджана Баруди) существенно отличалась от политики, проводимой на Кавказе, о чем говорил Амир Наврузов. Роберт Джераси отметил, что подобное отношение к колонизированным общностям наблюдается в политике самых разных империй и, скорее всего, это общая реакция любой империи на развитие подвластных ей народов.

В целом, если попытаться резюмировать различные подходы к изучению джадидизма, вырисовывается интересная картина: ряд исследователей полагают, что джадидизм (или то, что имеется в виду, когда говорят о джадидизме) — это, скорее, уникальный феномен, принимающий самые разные формы в каждой стране в эпоху перемен: таков взгляд Паоло Сартори (незримо присутствовавшего в дискуссии благодаря критике Эдварда Лаззерини), о том же говорил Альфрид Бустанов, призвавший сначала изучить оставшиеся 99% источников той эпохи и лишь потом попытаться концептуализировать феномен. Схожей точки зрения придерживается и Михаэль Кемпер, предлагавший взглянуть на феномен джадидизма в контексте внутримусульманской парадигмы. Вторая точка зрения, наиболее последовательным выразителем которой является Эдвард Лаззерини, заключается в том, что джадидизм — это локальная форма общечеловеческого процесса модернизации, которая ведет, так или иначе, к секуляризации, в том ее значении, что религия перестает играть центральную роль в развитии общества. Ее место занимают рациональность и наука. С некоторыми нюансами, похожего подхода придерживаются и Рафик Мухаметшин, и Айдар Хабутдинов. Так или иначе, эти два подхода напоминают противостояние концепции «множественных современностей» Шмуэля Эйзенштадта (1923–2010) и классической евроцентристской парадигмы модернизации. Окончательное разрешение этого спора, очевидно, возможно лишь значительно позже, однако до этого нам еще не раз придется обращаться к термину «джадидизм» для осознания собственного места в историческом процессе.

ЛИТЕРАТУРА

- Geraci, R. (2001). *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Ithaca & London: Cornell University Press.
- Kemper, M. (1998). *Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789-1889: Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft*. Berlin: K. Schwarz.
- Ross, D. (2020). *Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia*. Bloomington, Indiana, USA: Indiana University Press.
- Sartori, P. (2016). Ijtihād in Bukhara: Central Asian Jadidism and Local Genealogies of Cultural Change, *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, 59(1-2), 193-236.
- Джераси, Р. (2013). *Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Кемпер, М. (2008). *Суфии и Ученые в Татарстане и Башкортостане. Исламский дискурс под русским господством*. Казань: Российский исламский университет.
- Наврузов, А.Р. (2012). «Джаридат Дагистан» — арабоязычная газета кавказских джадидов. Москва: Изд. дом Марджани.
- Хабутдинов, А.Ю. (2003). *Лидеры нации*. Казань: Татар.кн.изд-во.

REFERENCES

- Dzherasi, R. (2013). *Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii*. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie [in Russian].
- Geraci, R. (2001). *Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Ithaca & London: Cornell University Press.
- Habutdinov, A.Yu. (2003). *Lidery natsii*. Kazan': Tatar.kn.izd-vo [in Russian].
- Kemper, M. (1998). *Sufis und Gelehrte in Tatarien und Baschkirien, 1789-1889: Der islamische Diskurs unter russischer Herrschaft*. Berlin: K. Schwarz.
- Kemper, M. (2008). *Sufii i Uchenye v Tatarstane i Bashkortostane. Islamskiy diskurs pod russkim gospodstvom*. Kazan': Rossiyskiy islamskiy universitet [in Russian].
- Navruzov, A.R. (2012). «Dzharidat Dagistan» — araboyazychnaya gazeta kavkazskikh dzhadidov. Moskva: Izd. dom Mardzhani [in Russian].
- Ross, D. (2020). *Tatar Empire: Kazan's Muslims and the Making of Imperial Russia*. Bloomington, Indiana, USA: Indiana University Press.
- Sartori, P. (2016). Ijtihād in Bukhara: Central Asian Jadidism and Local Genealogies of Cultural Change, *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, 59(1-2), 193-236.